

Джесси
БЁРТОН

МИНИАТЮРИСТ

**ДЖЕССИ
БЁРТОН**

МИНИАТЮРИСТ

Москва
2015

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б52

Jessie Burton
THE MINIATURIST

Copyright © 2013 by Jessie Burton
Фотография на 4-й странице обложки:
© Lynn Hilton / REX Shutterstock / Fotodom.ru

Перевод с английского *С. Таска*

Художественный редактор *А. Стариков*

В оформлении обложки использован рисунок
Марины Дорошенко

Бёртон, Джесси.
Б52 Миниатюрист / Джесси Бёртон ; [пер. с англ. С. Э. Таска]. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 384 с.

ISBN 978-5-699-84451-7 (ИВМР)
ISBN 978-5-699-84449-4 (ИБ)

Автор переносит нас в Амстердам XVII века, в дом очень состоятельного купца Йохана Брандта. Сюда приезжает Нелла Оортман, которую сосватали за Брандта. Она почти незнакома с будущим мужем, но готова стать ему хорошей женой.

Она чувствует, что Йохан — не такой, как все. Он умный, образованный, независимый, и это ее притягивает.

Нелла молода, полна надежд и очень плохо знает жизнь. Но судьба позаботится о том, чтобы она недолго пребывала в счастливом неведении. Ей предстоит узнать, как жестоки люди к тем, кто от них отличается, и осознать, что нет ничего страшнее, чем знание того, что будет.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-84451-7 (ИВМР)
ISBN 978-5-699-84449-4 (ИБ)

© Таск С., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

Аббревиатура ОИК означает «Ост-Индская компания», основанная в 1602 году. Ее торговые суда бороздили океан между Африкой, Европой, Азией и Индонезийским архипелагом.

В 1669 году ОИК насчитывала 50 000 служащих, 60 акционеров и 17 регентов. К 1671 году акции ОИК на Амстердамской бирже ценных бумаг достигали 570% номинальной стоимости.

Благодаря процветающему земледелию и финансовой мощи республики стала расхожей фраза, что голландские бедняки едят гораздо лучше британских, итальянских, французских и испанских. А уж богачи лучше их всех, вместе взятых.

Расхищайте серебро, расхищайте золото!
Нет конца запасам всякой драгоценной
утвари.

Книга пророка Наума, 2:9

* * *

И когда выходил Он из храма, говорит
Ему один из учеников Его:

«Учитель! Посмотри, какие камни и какие здания!»

Иисус сказал ему в ответ: «Видишь сии великие здания? Все это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне».

Марк, 13:1–2

Вторник, 4 марта 1687

Погребальная церемония обещает быть очень скромной, так как у умершей не было друзей. Но это Амстердам, где слова водой проникают в уши, оседают илом, и в южном приделе Старой церкви не протолкнуться. И мертвые тут как тут: вот каменные плиты под ногами скорбящих, а под плитами штабеля тел, костей, праха. В этой гробовой тьме плоть распадается, и от конечностей чудесным образом остаются только большие и малые берцовые кости. Там же лежат женские челюсти, тазовый пояс купца, полые ребра знатного сановника. Есть и детские тельца, иные не больше буханки хлеба. Скорбящие отводят взгляды от этого сгустка человеческого горя, от этих воробышков. Завидев крошечное надгробие, спешат его обойти.

Берт, уличный шпаненок, пришедший потолкаться среди толстосумов, а то и подобрать монетку, оброненную в печали, уединился в нишу для молитвы. О ужас, он не одинок. В Амстердаме любой наблюдатель, даже незрячий, находится под наблюдением. Его охватывает короткая паника — кто еще тут прячется: дружинник, вездесущая рука власти? Пальцы шарят по деревянным сиденьям, рот разинут от страха. Вдруг кто-то похлопывает его по плечу, будто заговорщик. Пожалуй, женская ладонь: изящная, прохладная на ощупь. Он дрожит, но не сбегает.

Церковный купол уходит ввысь. Великолепный расписной потолок — единственное, что реформаторы не смогли уничтожить, — задран над их головами, точно нос гигантского корабля. На старинном дереве запечатлен Христос с мечом и лилией, Дева Мария на лунном серпе, ангел-хранитель золотых дел мастеров, разрезающее волны судно. Потолок — зеркальное отражение города, его профессиональных занятий. Внизу же, на гранитных плитах, когда-то были высечены для потомков геральдические вензеля, но в результате победила водная гладь: исшарканные за долгие века могильные плиты лоснятся, скрывая под собой перемешанные останки, навсегда погребенные на дне морском.

Берт слышит, как женщина откидывает разделяющее их сиденье с «престолом милосердия», вырезанным из дерева столетия назад. Пальцы подростка ощупывают фигурку: мужчина, какающий монетами, с лицом, искаженным гримасой боли.

— Что-то случилось? — шепотом спрашивает она, но Берт в ответ смущенно молчит. Необычное поведение женщины, ее акцент, резная фигурка под сиденьем — все это заставило его напрячься. Деньги и стыд — от такой городской диеты порой случается несварение желудка.

Скорбящие сбились в круг — тут и члены разных гильдий с женами, и клерки ОИК, и капитаны торговых судов, и пекари, и кондитеры, и мужчина в широкополой шляпе. Появляются люди, несущие на плечах гроб с такой легкостью, словно это футляр от лютни, они явно поднаторели, обслуживая покойников. По выражениям их лиц можно догадаться, что кое-кто от этих похорон не в восторге. Скорей бы конец. Обычно эта церемония, как и траурная процессия, четко регламентирована: всем распоряжается бургомистр, а обычный

люди выполняют команды, нынче же никто не позаботился о порядке. Попахивает анархией, и если правда то, о чем поговаривают, такой покойницы еще не видели стены Старой церкви, как, впрочем, и Новой церкви, и Западной, и Восточной. Все решили деньги, а значит, эта неординарная смерть должна быть обставлена подобающим образом.

Удивительно, что подобные похороны совершаются здесь, в самом сердце города. Амстердаму брошен небывалый вызов. Сама по себе рискованная процедура выглядит уверенно, продуманно и благопристойно. Щедрому пожертвованию — тупое повиновение, и все же что-то такое тихо закипает под внешним декором.

Круг размыкается, пропуская гроб. В центре, рядом с прямоугольной ямой в полу, замерла в ожидании молодая женщина. Вид у нее измученный, она то поднимает голову навстречу приближающимся носильщикам, то снова опускает взгляд в зияющий провал. Ее распирает изнутри, взор блуждает, она закусывает нижнюю губу. Она к этому не готова, нет, не готова сказать прости-прощай.

Две женщины, стоящие в непосредственной близости от ниши для молитвы, перешептываются, прикрыв рты ладонями. Внимание рассеяно, топчутся на месте, никакого уважения к церемонии. Они вытягивают шеи, высматривая молодку, которая подходит к отверстой могиле. На ее лице — потрясение и скорбь, она замерла у самого края и бросает, словно в бездну, букетик цветов. И тут в углу захлопал крыльями заблудший скворец, сполз по белой стене и запрыгал по полу, легкий, как мякинная оболочка, — и многие головы, отвлекшись от действия, повернулись в его сторону. Но молодка, не шевельнувшись, провожает взглядом улетающие цветы с трепещущими лепестками, в то время как священник дочитывает молитву.

Служанка, отделившись от толпы, опускается на колени и осеняет себя крестным знамением, буквально тычет в себя четыремя перстами. И, как ни старается сдержаться, начинает громко рыдать. Молодка не делает ничего, чтобы остановить спектакль, и эта распушенность, это фундаментальное неуважение к дисциплине и порядку, во имя которых, собственно, здесь все и собрались, вызывают неодобрительный и не вполне уместный ропот. Две женщины возле ниши обмениваются репликами.

— Если они на публике такое себе позволяют, дома, должно быть, ведут себя совсем как дикие звери, — говорит шепотом одна.

— Ты права, Ариана, — откликается подруга. — Но я бы все отдала, чтобы побыть мухой на стене этого дома. Бзз-бзз.

Они подавляют смешки. Берта знобит. Заскрипел «престол милосердия», женщина вцепилась в сиденье. Он инстинктивно потянулся к ее руке. Нашупав кончики ее пальцев, он не в силах скрыть своего изумления. Откуда у знатной дамы такие мозоли?

Вскоре все заканчивается. Круг распадается, участники траурной церемонии не спеша расходятся по петляющим улочкам — к своим семьям, к домашним заботам. Многие мужчины вернутся за рабочие конторки и прилавки, ибо только тяжкий труд способен удерживать Амстердам на плаву. Именно он добыл им славу, а лень утащит их обратно в море. Молча оставив Берта, женщина спускается в общую залу. Мальчишка слышит, как она подходит к свежей могильной плите со словами:

— Все проходит.

Она вздыхает. Зашуршали юбки, когда она что-то достала из кармана, и снова зашуршали, когда она присела, чтобы положить это на плиту. Потом она встает в

полный рост и несколько мгновений не двигается, бормоча себе под нос. Берт слышит, как она целенаправленно устремляется к боковому выходу, эхо разносит ее шаги, а потом все смолкает.

Он еще чего-то ждет, ощущая внезапную утрату. В церкви стало как будто теплее, он задирает нос, принюхивается. Опасностью не пахнет, вокруг разливается покой. Мертвые спят, их души в безмолвии уплывают на чудо-корабле. Мальчишка выбирается из ниши и делает несколько шагов к могильной плите. Едва дотронувшись до нее, он сразу отдергивает руку. Камень ледяной, не то что другие плиты. Он все-таки проводит пальцами по выгравированным буквам, которые ни о чем ему не говорят. Ложбинки забиты гранитной пылью, сработано наспех.

Он счастливо выдыхает, наткнувшись на оставленный предмет. На его ладони — миниатюрный домик, в котором он ощупью находит девять обставленных комнат, двух женщин, мужчину и ребенка, кровати и корзинки, а также пучок крохотных морковок. От его радостных возгласов встревоженный скворец принимается летать-хлопотать над церковными скамьями в поисках местечка понадежнее.

Мальчишка прячет сокровище в карман. На кой ей, покойнице, игрушечный домик?

Вечером под Новым мостом он рассказывает таким же сорванцам про женщину с мозолистыми пальцами и странным чувством юмора, оставившую игрушечный домик на свежей могильной плите. Его так называемые друзья-приятели, лежащие на берегу канала, по которому проплывают кишки животных, человеческие нечистоты и сломанные спинки стульев, награждают его подзатыльниками.

— Берт, вот дурило, — говорит кто-то. — Ты ж слепой. Насмешки сыплются со всех сторон, но он уверен, что они это не со зла.

— Я ее ощупал. Она была холодная, как луна.

— Ангел, что ли? — простодушно удивляется один из младших.

— Не рано ли ты, Берт, стал напиваться, — зубоскалит другой. — Тебе только восемь стукнуло.

Они хохочут, а он, закусив губу, лезет в карман за вещдоком. А домика-то и нет. Испарился, растаял. Сердце у него уходит в пятки. Он продолжает настаивать, чувствуя, как подступают слезы, что не иначе как обронил домик по дороге. Но, похоже, он и сам в это не верит. Ночью мысли о пропаже не дают ему уснуть. «Может, я вовсе не держал его в руках? — спрашивает он себя. — И за руку ее не трогал?»

К утру Берт окончательно определился. Пришел к суровому выводу, позволяющему смириться с утратой: не было никакой женщины с лунной кожей. Незрячие глаза его обманули. То был желанный призрак, пристившийся одинокому сироте.

■ 1 ■

Середина октября, 1686

Не прельщайся лакомыми яствами его:
Это — обманчивая пища.

Книга притчей Соломоновых, 23:3

Я буду давать тебе по десяти сиклей серебра на год, потребное одеяние и пропитание.

Книга судей, 17:10

Посторонняя

— Йохан Брандт?

Имя, отраженное от мраморной плитки, улетает, постепенно затихая вдали, пока Нелла Оортман стоит на пороге дома перед просторной мрачной прихожей в ожидании своего новоявленного супруга. Никто ее не встречает, а ведь к ее приезду готовы, что было подтверждено письмом. Хотя запах дорогой почтовой бумаги ее мать проверила собственным носом, а листки отличались особой плотностью, это не оправдывает подобного приема. Она распишет это матери в подробностях, но сначала хорошо бы добраться до своей комнаты, до письменного стола.

Она стоит в промозглой пустоте, а за ее спиной еще теплое октябрьское солнце, и она обращает к нему лицо: вобрать в себя это тепло, пока можно. Эта часть улицы Херенграхт называется Золотой Подковой, но сегодня широкий канал выглядит буднично. Вознесшиеся над мутновато-бурой полосой дома впечатляют. Царственно прекрасные, гордость города, они восхищаются собственной симметрией, глядя в зеркало вод. Над крышами колдует Природа, стараясь не отставать: шафранно-абрикосовые облака демонстрируют цвета империи. Нелла разглядывает дома через их отражения. Золотая Подкова доступна не каждому — только местным жителям и обслуживающим их рабочим и ре-